

полуторку какие-то столы, стулья, свернутые в рулоны ковры. «Братцы! Подвезите раненого» – обратился я к ним. Один замахнулся на меня прикладом и сказал: «не видишь штаб выезжает?»

На выходе из города, на мосту через приток Донца, стоял часовой. Постояли, покурили, поговорили. Я рассказал ему, что опять началось отступление. Он рассказал, что немцы на днях здесь, в Змиеве, разбомбили госпиталь и мне придется добираться теперь либо в Чугуев, либо в Харьков, может по дороге кто на машину посадит. Потом он рассказал, что их здесь семеро, шесть солдат и сержант – разводящий. Охраняют мост. Он дал мне кусок хлеба, а я угостил его пригоршней махорки – я курил мало, и тронулся в путь, хотя было уже за полночь. Вот и Замостье уже кончилось, куда дальше? Развилок дороги. Налево, на Харьков, или направо, на Чугуев? Солдат сказал, что на Харьков больше идет машин, может подвезут?

И тут я заметил почти на краю поселка длинный барак и в нем одно светящееся окно. Решил отдохнуть. После долгого пути по лесу, после побоев в «Особом отделе» после всего пережитого... будь что будет!

Постучал в окно. Выглянула седая старушка и прокричала, что у них все двери с другой стороны, а сюда только окна. Обошел барак, старушка стояла у открытой двери. Я зашел. Комнатка была удивительно маленькая, всего метра 2 на 3, но было тепло и уютно. Я представился, рассказал о своих приключениях. Она рассказала, что работала до войны учительницей. Сын – на фронте.

Обстановка в комнатке была самая убогая, да и вообще можно ли было назвать маленький столик под окном, железную солдатскую кровать у стены и печь в углу обстановкой. Хозяйка напоила меня чаем с куском хлеба, я согрелся. После старуха сняла рядно с кровати и постелила